

С. В. Голикова, Л. А. Дашкевич
**ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ ВОСПИТАННИКОВ ПАНСИОНА
 УРАЛЬСКОГО ГОРНОГО УЧИЛИЩА В НАЧАЛЕ XX В.**

doi: 10.30759/1728-9718-2019-1(62)-96-103

УДК 94(470.5)“19”

ББК 63.3(235.55)531

На основе мемуаров воспитанников Уральского горного училища начала XX в. в статье реконструируется история повседневной жизни существовавшего при нем пансиона. Специализированное горнотехническое учебное заведение было создано в Екатеринбурге в 1853 г. и подчинялось правилам образования и воспитания кадров военизированной горной службы. Воспитанники пансиона находились под постоянным контролем преподавателей и надзирателей, для нарушителей дисциплины существовала целая система наказаний, включавшая порку розгами и заключение в карцер. К началу XX в. училище и пансион при нем продолжали в обыденной жизни придерживаться порядков середины прошлого столетия, однако значительную роль в процессе воспитания и социализации юношей стал играть учебный коллектив, с чем приходилось считаться администрации учебного заведения. Мемуары воспитанников училища начала XX в. позволяют восстановить те социальные приоритеты, которые складывались у «уральцев» во время их обучения, — чувство собственного достоинства, нетерпимость к мелочной регламентации, придиркам и оскорблениям. Несмотря на запреты администрации, в случаях личного оскорбления кого-то из учеников, их интеллектуального принуждения или других вызовов воспитанники занимали согласованную позицию, и именно пансионеры играли в этом противостоянии ведущую роль. Пансион был своеобразным локусом формирования гражданской активности учащейся молодежи, что решило его судьбу: в 1906 г. он был закрыт.

Ключевые слова: *история культуры, повседневность, образование, воспитание, Уральское горное училище, Урал, начало XX века*

В смутные дни революционного 1905 года пансион при Уральском горном училище вместе с учебным заведением был временно закрыт, но местные власти решили добиться его ликвидации. Главный начальник Уральских горных заводов П. П. Боклевский писал вышестоящим инстанциям о необходимости «совсем упразднить общежитие».¹ В Петербурге его позиция нашла понимание, и Горный департамент предложил «казеннокоштным ученикам Уральского горного училища вместо интерната проживание на частных квартирах».² Почему же закрытый режим, считавшийся мощным воспитательным средством, в условиях Уральского горного училища начала XX в. дал сбой и стал настолько сильной помехой администрации в воспитании и социализации юношей, что она при подходящем случае закрыла

интернат? Получить ответ на этот вопрос, на наш взгляд, можно обратившись к истории повседневной жизни учебного заведения.

В постсоветской историографии повседневность закрытых школ рассматривается прежде всего через призму источников личного происхождения — мемуаров, писем, дневников воспитанников учебных заведений. В литературе представлена история привилегированных и сословных учебных заведений — кадетских корпусов, институтов благородных девиц, бурсы и епархиальных училищ; изучены и интерпретированы такие социально-психологические феномены, как кадетский «цук» и «обожание» институток,³ создан целый корпус воспоминаний воспитанниц институтов благородных девиц и епархиальных училищ.⁴ Анализируя школьную повседневность, исследователи привлекают не только эго-документы, но и другие исторические источники. Так, О. Д. Попова, наряду с воспоминаниями семинаристов, изучила материалы ревизий

¹ РГИА. Ф. 25. Оп. 1. Д. 5999. Л. 125.

² Там же. Л. 1280б.

Голикова Светлана Викторовна — д.и.н., в.н.с., Институт истории и археологии УрО РАН (г. Екатеринбург)
 E-mail: avokilog@mail.ru

Дашкевич Людмила Александровна — д.и.н., в.н.с., Институт истории и археологии УрО РАН (г. Екатеринбург)
 E-mail: ldash54@mail.ru

³ См.: Попова О. Д. О годах «семинарской тяготы»: история духовно-учебных заведений в мемуарах их воспитанников (середина XIX — начало XX века). Рязань, 2017.

⁴ См.: Институтки: воспоминания воспитанниц институтов благородных девиц. М., 2008; Попова О. Д. Епархиалки: воспоминания воспитанниц женских епархиальных училищ. М., 2011.

духовно-учебных заведений. Это позволило ей сопоставить взгляд авторов мемуарных текстов с официальным мнением чиновников учебного комитета и глубже понять позиции различных участников образовательного процесса в дискуссиях о путях развития духовной школы.⁵

Данный подход кажется нам плодотворным и при анализе мемуаров воспитанников Уральского горного училища начала XX в. В фонде Государственного архива Свердловской области сохранился лишь один документ подобного рода — воспоминания инженеров И. В. Шишкина и В. Н. Швецова. Они окончили курс училища в 1904 г., но записали воспоминания достаточно поздно, в 1946 г. Вполне понятно, что авторы мемуарного текста актуализировали свое видение событий школьной жизни под влиянием изменившейся эпохи. Для реконструкции истории повседневной жизни пансиона Уральского горного училища мы привлекли делопроизводственные документы — отчет служащего Горного департамента Н. Нестеровского, командированного для выяснения причин беспорядков в училище в 1901 г., и переписку главного начальника Уральских заводов с Горным департаментом конца 1905 — начала 1906 гг.

Уральское горное училище, открытое в 1853 г., было, по меткому выражению уральского краеведа начала XX в. В. И. Будрина, «детисцем сурового генерала Глинка».⁶ Генерал от артиллерии В. А. Глинка, руководивший горнозаводской промышленностью Урала в 1837–1856 гг., создал специализированное горнотехническое учебное заведение в соответствии со своими представлениями о принципах образования и воспитания кадров военизированной горной службы. Учебный курс в Уральском горном училище продолжался четыре года: два года воспитанники учились в первом классе и два — во втором. Появление интерната в этом учебном заведении было вполне закономерным явлением не только потому, что воспитанники съезжались туда со всего Урала, но и во многом благодаря идее закрытой школы, хорошо к тому времени зарекомендовавшей себя в педагогическом воздействии на юношей

и многократно реализованной на практике. По оценке известного французского исследователя М. Фуко, интернат олицетворял собой в те времена «если не самый распространенный, то, по крайней мере, самый совершенный воспитательный режим».⁷ Его повседневное устройство в Уральском горном училище было «скопировано» с кадетских корпусов. Ряды парт и кроватей со шкафчиками превращали классы и дортуары в «отгороженное место дисциплинарной монотонности». Внутренний упорядоченный и детальный контроль за воспитанниками достигался введением печатных правил и устава, которые каждый учащийся должен был носить в обшлага шинели и соблюдать по ним распорядок дня: «когда вставать утром с койки, умываться, одеваться, о завтраке, подготовке уроков, обеде, прогулке, ужине, молитвах...» Подростки привыкали к гипертрофированной регламентации будней по часам и минутам, как было указано в уставе, без отступлений. Только между ужином и сном, с 8 до 10 часов вечера, им «предоставлялась полная свобода», но и это не обходилось без принуждения: «в это время занятия никакие не дозволялись».⁸ «Благопристойное во всех отношениях» поведение воспитанников обеспечивалось «неотлучным» присутствием надзирателей, которые дежурили во всех доступных ученикам помещениях и даже ночевали в ученических спальнях.⁹ Для «нерадивых и замеченных в каких-либо проступках воспитанников» существовала целая система наказаний, включавшая порку розгами и заключение в карцер.

К началу XX в. училище и пансион при нем продолжали в обыденной жизни придерживаться порядков середины прошлого столетия, однако обстановка в них заметно смягчилась. Администрация училища и ревизовавший учебное заведение чиновник Горного департамента Н. Нестеровский видели в этом определенную вину бывшего управляющего училищем Н. Е. Китаева, который снизил дисциплинарный контроль, прекратил практику телесных наказаний учащихся, разрешил пансионерам ежедневно отлучаться из учебного заведения и посещать театр и другие общественные места. После назначения в училище нового

⁵ См.: Попова О. Д. Материалы ревизий духовно-учебных заведений как исторический источник и их роль в прочтении мемуаров семинаристов // Вестн. Рязан. гос. ун-та им. С. А. Есенина. 2018. № 1 (58). С. 7–17.

⁶ Будрин В. И. Уральское горное училище в 1905 году // Архив Свердловского областного краеведческого музея. Личный фонд Анфиногенова. Д. 571б / 145. Л. 1.

⁷ Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М., 1999. С. 126.

⁸ Коротков Е. Н. Материалы к истории Уральского горного училища в связи с возникновением горнотехнического образования на Урале. Екатеринбург, 1913. С. 89, 91.

⁹ РГИА. Ф. 37. Оп. 69. Д. 4. Л. 210б.

управляющего П. И. Паутова многие «вольности» в досуге воспитанников были отменены, что вызвало недовольство в ученической среде.

Эпицентром противостояния между учениками и администрацией стал пансион. Первый серьезный инцидент здесь произошел в 1901 г. Тон ему задали учащиеся: 23 января 1901 г. воспитанник Алексей Хапугин от имени всех старшеклассников ознакомил исполняющего обязанности директора училища П. И. Паутова с требованиями, которые «сводились к отмене взыскания, налагаемого на учеников за неудовлетворительные отметки, и к удалению из училища надзирателя Васильева».¹⁰ Администрация заняла выжидательную позицию. П. И. Паутов собрал учеников второго класса и объяснил им, что меры, против которых они протестуют, предусмотрены уставом училища, они приучают молодежь «к строгому исполнению своего долга», а суждения о пригодности или непригодности служебного персонала училища вообще не подлежат компетенции воспитанников. Саму просьбу учащихся, выраженную в коллективной форме, от лица целого класса, по заранее составленному уговору, он назвал совершенно недопустимой. Выслушав объяснения, ученики разошлись и возобновили занятия, однако после того, как преподаватель Л. Г. Романов на уроке в первом классе «неодобрительно» отозвался о выходке старшеклассников, конфликт вспыхнул вновь. Настаивая на «объяснении» с Л. Г. Романовым, Алексей Хапугин от лица своих товарищей подал главному начальнику Уральских заводов жалобу об оскорблении учителем всего второго класса.

Администрация попыталась решить конфликт педагогическими мерами. 28 января, после обсуждения происшествия на совещании преподавателей училища, А. Хапугин был признан «заводилой» случившихся беспорядков, поскольку он вовлек в них большинство воспитанников, в которых поддерживал «дух непокорства». «Вредно влияющего на своих товарищей» учащегося исключили из учебного заведения. Устранив «досадную помеху», преподавательский коллектив в качестве «предупредительных мер» предложил ужесточить порядки в общежитии — «сократить ежедневные отпуска пансионеров, предоставив им право выходить из училища лишь по воскресеньям и то только после обедни и до

10 часов вечера и кроме того в будни 2 раза в неделю с 5 до 7 часов вечера, в остальные же дни рекреационные часы проводить во дворе училища».¹¹ Учителя еще не поняли, что строгие запреты и ограничения уже не помогут. Алексей Хапугин, получив от П. И. Паутова разрешение остаться в пансионе на ночь, наглядно показал, что воспитанники вышли из подчинения арсеналу официальных педагогических средств. Алексею хватило нескольких часов, чтобы поднять пансионеров на борьбу за свои права. Уже утром они целым классом подали просьбу об увольнении из училища, «так как Хапугин удален из него». Несмотря на то что П. И. Паутов приглашал для разговора каждого воспитанника отдельно, юноши остались непреклонны и получили на руки документы.

Как мы видим, директор попытался воспользоваться тем, что дисциплинарное пространство, в том числе интернатское, по справедливому замечанию М. Фуко, «имеет тенденцию делиться на столько клеточек, сколько есть тел или элементов, подлежащих распределению».¹² Однако эта применяемая в закрытых заведениях тактика борьбы со скоплениями людей, призванная «избегать распределения по группам, не допускать укоренения коллективных образований, раздроблять смутные, массовые или ускользающие множества»,¹³ не сработала. Надо заметить, что при получении документов некоторые старшеклассники «одумались», но угрозы товарищей подавили у колеблющихся «всякую боязнь за свои поступки». В рапорте Н. Нестеровского указывалось, что А. Хапугин отбирал документы у своих одноклассников с тем, чтобы никто из них, «помимо его, не мог вновь поступить в училище».¹⁴

Далее развитие пошло по невыгодному для администрации училища сценарию: «воспитанники обоих классов стали собираться группами, а когда дежурный надзиратель стал уговаривать их успокоиться, то они удалили его как из классной комнаты, так и из курительного помещения» (оно находилось в интернате). Учительский персонал вплоть до вечера пытался уговорить старших воспитанников отказаться от своего «скоропалительного» решения, но смягчить позицию «толпы» не удалось. Попытка образумить юношей в совещательной

¹¹ Там же. Л. 46.

¹² Фуко М. Указ. соч. С. 128.

¹³ Там же.

¹⁴ РГИА. Ф. 25. Оп. 1. Д. 5999. Л. 47, 47об.

¹⁰ Там же. Ф. 25. Оп. 1. Д. 5999. Л. 52.

комнате, освободив их от «гнета товарищей», также провалилась. Более того, старшекласники решили втянуть в конфликт первый класс, «воспользовавшись тем, что спальня у обоих классов была общая». Некоторые старшекласники, уже уволившись из училища, «проникли» туда и «вступили в общение с первокласниками, а для того, чтобы их не удаляли из спальни, они стали раздеваться и ложиться в койки».¹⁵ Последний «маневр» подтолкнул администрацию к решительным действиям по главному принципу интернатской дисциплины — по принципу разобщения главаря с остальными участниками конфликта и старших воспитанников — с младшими, но уже с помощью властей. В 10 часов вечера П. И. Паутов вызвал в училище полицмейстера и попросил удалить Алексея Хапугина из Екатеринбурга. В 12 часов ночи из пансиона были выведены еще 22 старших воспитанника. Полиция и прокурор, не обнаружив в деле политической подоплеки, сочли подобные меры слишком строгими и пожаловались на педагогов в столицу. Однако администрация училища придерживалась другого мнения. Она понимала, что пространство пансиона «из рядов коек и шкафчиков» оказалось под влиянием группы юнцов, которые действовали настолько эффективно, что взрослые, которые были поставлены надзирать за юношами, были вынуждены, несмотря на ночное время, обратиться за содействием к полиции и удалить из дортуаров более 20 «уже спавших к тому времени воспитанников».¹⁶ Злополучные события января 1901 г. показали, что интернат перестал служить целям администрации и превратился в повседневное средство подготовки сопротивления ей подросткового коллектива.

Педагогическая мысль того времени уже признала, что в условиях распространения всеобщего обучения и последовательной социализации подрастающего поколения в воспитательных учреждениях коллектив сверстников превращается в мощное средство воспитания индивидуумов и взрослым приходится считаться с эффектом его автономного воздействия. Надо заметить, что в Уральское горное училище поступали мальчики, уже подвергавшиеся несколько лет такому воздействию учебных коллективов. Инженеры И. В. Шиш-

кин и В. Н. Швецов вспоминали, что с ними в 1900 г. приемные испытания держали выпускники городских и двухклассных училищ ведения Министерства народного просвещения и перешедшие в пятый класс реалисты и гимназисты.¹⁷ По данным чиновника Горного департамента Н. Нестеровского, большинство из уволенных старшекласников также окончили городские училища (от двух- до пятиклассных). Преобладающим элементом среди них были дети мастеров, служащих и рабочих, но многие из них, несмотря на свое социальное происхождение, уже имели чувство собственного достоинства, и к ним как надзиратели, так и преподаватели «обращались не иначе, как на Вы».¹⁸ Горный техник Е. Н. Коротков, обучавшийся в Уральском горном училище в 1866–1870 гг., заметил в своих воспоминаниях, написанных к 50-летию учебного заведения, что в начале XX в. народился и пришел в училище новый тип воспитанников, склонных к сопротивлению (все-му и всем). Автор воспоминаний не понимал и осуждал новые нормы, сложившиеся в учебной среде. Характерное для начала XX в. поведение учащихся Е. Н. Коротков оценивал весьма скептически: «...теперь поступающий не знает еще, где находится умывальник в училище, чтобы смыть молоко матери с губ, а уж он о себе мнения очень высокого, у него уж амбиция, гонор, даже кичится своей фамилией...» Этот ученик, по его мнению, и в душе гордится, что «не поддался», «переспорил», «я ведь не такойский».¹⁹ Из характеристики Н. Нестеровского, данной Алексею Хапугину как вожаку училищного протеста, вырисовывается похожая личность: «самого высокого мнения о себе», «тщеславная натура», «увлекающаяся заманчивою перспективою борца, вступающего якобы в защиту угнетенных товарищей», позволяет себе «вызывающий тон», «требует, а не просит», «стараясь при этом дискредитировать действия своего начальства», «очернить его, указывая на его неблагоприятные поступки» в глазах одноклассников, наконец, «не имеет решительно никакого понятия о дисциплине».²⁰

Коллективная идентичность воспитанников Уральского горного училища формировалась в закрытом пространстве пансиона.

¹⁵ Там же. Л. 470б.–490б.

¹⁶ Там же. Л. 420б., 43.

¹⁷ ГАСО. Ф. 93. Оп. 1. Д. 365. Л. 22–23.

¹⁸ РГИА. Ф. 25. Оп. 1. Д. 5999. Л. 550б.

¹⁹ ГАСО. Ф. 74. Оп. 1. Д. 131. Л. 8.

²⁰ РГИА. Ф. 25. Оп. 1. Д. 5999. Л. 600б.–610б.

«Казенный пансион оказывал большое воспитательное воздействие на учащихся того времени Уральцев, — подчеркивали в своих мемуарах И. В. Шишкин и В. Н. Швецов. — Живя тесной семьей, естественно, что Уральцы отлично друг друга знали, отлично знали дефекты друг друга...»²¹ Хотя Е. Н. Коротков укорял новичков, которые «уже с бахвальством, доходящим до наглости», вступали в спор со старшими воспитанниками, «старшие», чтобы поставить их на место, умели пользоваться коммуникативными возможностями ограниченного пространства. И. В. Шишкин и В. Н. Швецов так характеризовали условия интернатского общения: «Воспитательное значение пансиона сказывалось на влиянии старших групп учащихся на младших в процессе непрерывного совместного двухлетнего пребывания в общежитии-пансионе». Правда из далекого 1946 года способность старшеклассников войти в более близкое общение с первокурсниками и подчинить их своему влиянию была сведена авторами мемуаров к фабрикации в стенах интерната революционеров: «К концу второго года пребывания в пансионе первокурсник сменял свое мировоззрение полностью и становился, по меньшей мере, атеистом, чему много способствовало групповое чтение Бокля, Маркса, Энгельса и нелегальной литературы».²² О стремлении «уральцев» к самообразованию вспоминали выпускники училища 1870 г. Е. Н. Коротков и Н. Д. Чадов. В мемуарах Н. Чадова так описаны занятия пансионеров в свободное от учебы время: «Картежной игры тоже у нас не было, играли очень редко в преферанс, дурачка, свои козыри, мельники и пр., да и времени лишнего не было, переписка и приготовление уроков, а главное, чтение почти запоем поглощало почти всё наше время. Читали мы “Вестник Европы”, “Отечественные записки”, “Дело” и почти зачитывались ими, потом разбирали, критиковали, но по большей части восхищались Некрасовым, Тургеневым, Толстым, Решетниковым, Добролюбовым и проч. В свободное время, воскресенья и праздники нередко ходили (у кого был пятак) в библиотеку (у монастыря), лишая себя обеда, брали с собой 2–3 куска черного хлеба, просиживали там с 10 часов утра до 9 вечера».²³ К началу

XX в. чтение было вполне привычным явлением в повседневной жизни пансиона Уральского горного училища.

Большое влияние на формирование гражданских идеалов учащихся в то время оказывала социально-политическая и культурная ситуация в России. Чиновник Н. Нестеровский, ревизовавший училище после устранения конфликта 1901 г., указывал в своем отчете: «Не следует забывать, что беспорядки эти возникли вслед за волнениями в университетах и других высших учебных заведениях. О существовании последних воспитанники Уральского горного училища, конечно, знали из газет, да и от только что возвратившегося из Москвы, старшего по летам, товарища их Алексея Хапутина, перед которым они так благоговели».²⁴ В отношениях между воспитанниками училища, складывавшихся в период обучения, он отдавал приоритет старшим учащимся: «...воспитанники младших классов всегда смотрят на своих товарищей старших классов с каким-то особым уважением и дорожат обыкновенно мнением их более, чем ближайшего своего училищного начальства и лиц учебного персонала». Поэтому «порицание» учителем Л. Г. Романовым в 1901 г. «старших» на уроке в первом классе привело к тому, что «пылкие натуры» младших учеников превратили выпускников в героев. Главных «пособников и распорядителей смуты» в училище, по мнению ревизора, поставлял интернат. Шестеро из девяти человек, отнесенных педагогами к зачинщикам беспорядков 28 января, являлись пансионерами, и лишь трое — приходившими учениками.²⁵

Падение авторитета преподавателей и дисциплинарного воздействия надзирателей и рост влияния коллектива в училище становились обыденным явлением. Эти сдвиги в социализации подростков уловил Е. Н. Коротков: «С первого же урока [учащийся] просмеёт учителя, а уж к надзирателям относится не иначе, как с презрением, даже не скрываемым».²⁶ Воспоминания И. В. Шишкина и В. Н. Швецова содержат ряд учительских прозвищ: «Шипелка», «Пыхтелка», «Равномерное движение», «Шурпыч», «Картошка», «Лиса». Нового инспектора С. М. Головачева пансионеры окрестили «Пожарным» (видимо, по аналогии с поговоркой «ругается, как пожарник»). В общении с

²¹ ГАСО. Ф. 93. Оп. 1. Д. 365. Л. 25, 26.

²² Там же. Л. 25.

²³ Там же. Ф. 74. Оп. 1. Д. 132. Л. 10.

²⁴ РГИА. Ф. 25. Оп. 1. Д. 5999. Л. 530б.

²⁵ Там же. Л. 46, 670б., 68, 730б., 74.

²⁶ ГАСО. Ф. 74. Оп. 1. Д. 131. Л. 8.

учащимися тот мог использовать слово «дрянь», а плясунов обзывал «жеребцами». Надзирателей в разговорах между собой воспитанники называли пренебрежительной кличкой «Чек».²⁷ Эти лица превратились в мишень для злобных выходок пьяных пансионеров. Пререкания и конфликты с ними у подростков возникали постоянно. Например, 19 ноября 1900 г. «замеченный надзирателем в нетрезвом виде» Михаил Назаров допустил «неприличную брань» в его «присутствии». В 1901 г. воспитанник Федосеев «в нетрезвом виде позволил себе в курительной комнате, в присутствии товарищей выразиться крайне неприлично по адресу» дежурившего надзирателя Васильева.²⁸ Этому же служащего активно «оговаривал» Хапутин, голословно обвиняя в спаивании пансионеров и в фамильярничании с ними. Подросткового вожака раздражало, что, «не имея достаточного образовательного ценза», Васильев позволяет себе делать воспитанникам пансиона «неуместные замечания».²⁹ Отчисленный из училища в 1900 г. ученик Саватеев вообще «поднял среди своих товарищей вопрос о том, что надзиратели не соответствуют своему назначению, как стоящие ниже их, воспитанников, по образованию...»³⁰

Стремление к повседневному сопротивлению при благоприятных условиях могло стать основой уже для коллективной мобилизации. В революционном 1905 году воспитанники окончательно почувствовали себя хозяевами общежития. Они перестали проявлять лояльность по отношению к администрации, «уходили из училища без разрешения управляющего или инспектора во всякое, когда им угодно, время, возвращались в интернат весьма часто в 3–4 часа ночи», «требования установленных правил в соблюдении порядка в училище, даже со стороны управляющего, не говоря о надзирателях, совершенно игнорировались».³¹ В октябре 1905 г. в Екатеринбурге прошла волна многолюдных митингов и собраний, в которых ученики Уральского горного училища приняли активное участие. 19 октября 1905 г. после избиения черносотенцами колонны учащихся «уральцы» решили написать петицию в адрес Горного департамента и министра финансов. Петицию подписали все 80 воспитанников

Уральского горного училища. До выполнения требований, содержащихся в этом документе, они отказались посещать занятия.

Петиция «уральцев», как и многие протестные документы учеников средних учебных заведений того времени,³² включала требования, носившие как корпоративный, так и политический характер. Учащиеся требовали демократизации учебного процесса, большей самостоятельности преподавателей в их деле, создания училищного совета (взамен полномочия главного начальника Уральских горных заводов и управляющего училищем), участия воспитанников в таком совете, уничтожения балльной системы, отстранения некоторых преподавателей от занятий, участия учащихся в пополнении библиотеки, свободы посещения уроков и церковных служб, необязательности такого предмета, как Закон Божий, введения в учебный курс училища политэкономии и законодательства, а также ознакомления с философией. Они считали необходимым введение свободы посещения заседаний и митингов, устройства своих собраний, кружков и союзов без надзора начальства, издания учебного журнала; права участия учеников в органах печати, организации кассы взаимопомощи, товарищеского суда; приема в училище вне зависимости сословной принадлежности, национальности, вероисповедания; права поступления в высшие учебные заведения наравне с выпускниками других средних учебных заведений, замены надзирателей письмоводителями. Заканчивалась петиция так: «Присоединяясь к голосу сознательной России, мы требуем: Учредительного собрания на основах всеобщего, равного, прямого и тайного голосования; замены постоянной армии народной милицией, отмены военно-полевого суда над кронштадтскими и черноморскими матросами, учреждения народного университета и реформы низших школ сообразно требованию поступления в средние учебные заведения».³³

Занятия в горном училище прекратились. 14–16 ноября 1905 г. главный начальник Уральских горных заводов П. П. Боклевский сообщал в Петербург о полном пренебрежении официальным регламентом со стороны учащейся

²⁷ Там же. Ф. 93. Оп. 1. Д. 365. Л. 25, 39.

²⁸ РГИА. Ф. 25. Оп. 1. Д. 5999. Л. 560б., 670б., 68.

²⁹ Там же. Л. 440б.

³⁰ Там же. Л. 560б.

³¹ Там же. Л. 118, 1240б.

³² См.: Беленцов С. И. Ученическое движение в России: вторая половина XIX — начало XX века. СПб., 2013. С. 86–128; Ватник Н. С. «Школьная смута» 1905 года как феномен революции // Российская история. 2016. № 4. С. 113–118; Рушанин В. Я. Рабочая молодежь Урала в борьбе против самодержавия и капитализма (1903–1917 гг.): учеб. пособие. Челябинск, 1987.

³³ РГИА. Ф. 25. Оп. 1. Д. 5999. Л. 115.

молодежи: «беспрестанно нарушая установленный порядок, [ученики] позволяли себе всевозможный произвол»; «вообще держали себя крайне дерзко и вызывающе».³⁴ Свобода поведения обеспечивалась тем, что многие воспитанники оказались вооружены пистолетами и другим оружием, иногда холодным (кинжалами). Воспользовавшись забастовкой учащихся, ожидавших ответа на свою коллективную петицию, администрация закрыла Уральское горное училище и предписала воспитанникам, живущим в общежитии, «разъехаться по домам или во всяком случае очистить помещение пансиона в трехдневный срок, т. е. не позднее 9 часов вечера 20 ноября».³⁵ Сама же администрация с помощью главного начальника Уральских горных заводов приступила к процедуре упразднения интерната, услугами которого в то время пользовались 18 человек из старшего класса и 25 — из младшего, т. е. чуть больше половины обучавшегося контингента (80 учащихся).³⁶ П. П. Боклевский писал директору Горного департамента: «Но общежитие на прежних основаниях я нахожу совершенно невозможным, ибо, кроме постоянных неудовольствий и беспорядков, ничего ожидать нельзя; подчиняться существующим правилам они не будут, а постоянное нарушение неизбежно вызовет необходимые репрессивные меры, всегда крайне нежелательные».³⁷ Расселение бывших пансионеров по квартирам, по его мнению, могло резко снизить уровень радикализации молодежи. Воспоминания И. В. Шишкина и В. Н. Швецова подтверждают это мнение училищного начальства: «Приходящие и пансионеры существенно различались друг от друга как по общему развитию, так и по внешнему виду. Приходящие мало отличались вообще от учащихся средних учебных заведений того времени. Были благообразны и прилично одеты. Живя на индивидуальных квартирах или со своими родителями, приходящие часто оставались вне сферы влияния духа общего революционного настроения учащихся того времени».³⁸

Быстро избавиться от интерната П. П. Боклевскому не удалось. Горный департамент указал ему на то, что в новых штатах Уральского горного училища, утвержденных в 1904 г., предусматривалось существование ученического общежития, поэтому уничтожить его можно

было только «в законодательном порядке» и «с высочайшего соизволения».³⁹ Для окончательного склонения вышестоящей инстанции на свою сторону главному начальнику Уральских горных заводов пригодилась история с арестом и заключением в местный тюремный замок восьмерых воспитанников учебного заведения, начавшаяся в январе 1906 г. Сначала горная администрация переполошилась и попросила жандармского ротмистра разрешить директору училища П. И. Паутову «навестить своих арестованных питомцев». Однако те после удовлетворения некоторых своих просьб (присылка белья, постелей, чаю и т. п.)⁴⁰ повели себя непредсказуемым образом: «в тюрьме они были весьма веселы, крайне бесцеремонны, шумливы и дерзки даже по отношению к своим сотоварищам по заключению».⁴¹ «Уральцы» перенесли в училище свои интернатские порядки и стали диктовать их настолько «не стесняясь ничем», что заключенные попросили тюремное начальство «отделить их от воспитанников Уральского училища, хотя бы даже в одиночные камеры».⁴² После того как тюремное заключение в очередной раз подтвердило, что пансионат составляет «самый беспокойный элемент» в училище и что пансионеры занимают «роль вожаков» среди своих товарищей, общежитие не имело шансов уцелеть. Осенью 1906 г. Уральское горное училище возобновило свои занятия, но пансион при нем восстановлен не был.

Подводя итоги, можно заметить, что жизнь в пансионе оказывала большое влияние на мироощущение учащихся, на формирование их идеалов и духовных ценностей. Мемуары воспитанников училища начала XX в. позволяют восстановить те социальные приоритеты, которые складывались у «уральцев» во время их обучения: это чувство собственного достоинства, нетерпимость к мелочной регламентации, придиркам и оскорблениям. Несмотря на запреты администрации, в случаях личного оскорбления кого-то из учеников или других вызовов «уральцы» занимали согласованную позицию, и именно пансионеры играли в этом противостоянии ведущую роль. Пансион стал своеобразным локусом формирования гражданской активности учащейся молодежи, что и решило его судьбу: в 1906 г. он был закрыт.

³⁴ Там же. Л. 118, 118об.

³⁵ Там же. Л. 112.

³⁶ Там же. Л. 124об.

³⁷ Там же. Л. 125.

³⁸ ГАСО. Ф. 93. Оп. 1. Д. 365. Л. 25.

³⁹ РГИА. Ф. 25. Оп. 1. Д. 5999. Л. 132.

⁴⁰ Там же. Л. 139, 139об.

⁴¹ Там же. Л. 144.

⁴² Там же.

Svetlana V. Golikova

Doctor of Historical Sciences, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the RAS (Russia, Ekaterinburg)

E-mail: avokilog@mail.ru

Liudmila A. Dashkevich

Doctor of Historical Sciences, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the RAS (Russia, Ekaterinburg)

E-mail: ldash54@mail.ru

EVERYDAY LIFE OF THE URAL MINING SCHOOL BOARDERS IN THE EARLY 20TH CENTURY

Based on the memoirs of the Ural Mining School students of the early 20th century the article reconstructs the history of everyday life of its boarding house. This specialized mining engineering educational institution was established in Ekaterinburg in 1853 and was subject to the rules of education and personnel training of the militarized mining service. The educatees of the school's boarding house were under the constant control of teachers and guards, for the offenders of discipline there was a system of punishments, including flogging and imprisonment in the punishment cell. By the beginning of the 20th century, the school and its boarding house in everyday life kept adhering to the order of the mid-19th century, but a significant role in the process of upbringing and socialization of young men began to play the students collective, which the school administration had to be reckoned with. The students' memoirs of the early 20th century make it possible to restore those social priorities that educatees formed during their training — self-esteem, intolerance to petty regulation, knocks and insults. Despite the bans of the administration, in cases of personal insult of one of the students, their intellectual coercion or other challenges, the pupils took a coordinated position, and it was the boarders who played the leading role in this confrontation. The boarding house was a locus of the students' civic activity formation, which decided its fate: it was closed in 1906.

Keywords: *culture history, everyday life, education, upbringing, the Ural Mining School, the Urals, early 20th century*

REFERENCES

- Belentsov S. I.** *Uchenicheskoye dvizheniye v Rossii: vtoraya polovina XIX — nachalo XX veka* [Student movement in Russia: the second half of the 19th — early 20th century]. Saint Petersburg: Nestor-Istoriya Publ., 2013, 184 p. (in Russ.).
- Foucault M.** *Nadzirat' i nakazyvat'. Rozhdeniye tyur'my* [Discipline and punish: The birth of the prison]. Moscow: Ad Marginem Publ., 1999, 480 p. (in Russ.).
- Popova O. D.** [Audit reports on religious educational establishments as a historical source and their role in understanding seminary students' memoirs]. *Vestnik Ryazanskogo gosudarstvennogo universiteta im. S. A. Esenina* [Bulletin of Ryazan State University named after S. A. Esenin], 2018, no. 1 (58), pp. 7–17. (in Russ.).
- Popova O. D.** *Eparkhialki: vospominaniya vospitannits zhenskikh yeparkhial'nykh uchilishch* [Eparkhialki: memories of the educatees of the female diocesan schools]. Moscow: Novoye literaturnoye obozreniye Publ., 2011, 298 p. (in Russ.).
- Popova O. D.** *O godakh "seminarskoy tyagoty": istoriya dukhovno-uchebnykh zavedeniy v memuarakh ikh vospitannikov (seredina XIX — nachalo XX veka)* [About the years of the "seminar severity": the history of spiritual and educational institutions in the memoirs of their pupils (mid-19th — early 20th century)]. Ryazan: Kontseptsiya Publ., 2017, 160 p. (in Russ.).
- Rushanin V. Ya.** *Rabochaya molodezh' Urala v bor'be protiv samodержaviya i kapitalizma (1903–1917 gg.): uchebnoye posobiye* [Working youth of the Urals in the fight against autocracy and capitalism (1903–1917): training manual]. Chelyabinsk: ChGPI Publ., 1987, 73 p. (in Russ.).
- Vatnik N. S.** ["School Troubles" of 1905 as a phenomenon of revolution]. *Rossiiskaia Istoria* [Russian History], 2016, no. 4, pp. 113–118. (in Russ.).

К статье С. В. Голиковой, Л. А. Дашкевич

Из серии фотооткрыток г. Екатеринбурга, конец XIX в.

Учащиеся и преподаватели Уральского горного училища, 1910-е гг.
Из фондов Свердловского областного краеведческого музея